

ОБ ОДНОЙ ПОЛЕМИКЕ

С.С. Кутателадзе

д.ф.-м.н., профессор, e-mail: sskut@math.nsc.ru

Институт математики им. С.Л. Соболева РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация. Обсуждаются обстоятельства и приводятся материалы полемики между А.Д. Александровым и Л.С. Понтрягиным, состоявшейся в 1983 году в канун 80-летия А.Н. Колмогорова.

Ключевые слова: А.Д. Александров, Л.С. Понтрягин, А.Н. Колмогоров.

В 1983 г. накануне 80-летия А.Н. Колмогорова математический мир нашей страны потрясли события вокруг статьи Ю.И. Мерзлякова «Право на память»¹ и, в частности, полемика А.Д. Александрова и Л.С. Понтрягина по этому поводу.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

17.02.1983 г. газета «Наука в Сибири» — еженедельник Президиума ордена Ленина Сибирского отделения АН СССР и Объединённого профсоюзного комитета СО АН СССР — опубликовала статью Ю. Мерзлякова «Право на память» В этой статье содержится клевета в адрес выдающегося советского учёного академика Андрея Николаевича Колмогорова и недостойные выпады против других советских ученых.

до 5 марта — кулуарные обсуждения статьи на сессии АН СССР в г. Москве, резкая реакция А. Д. Александрова, С. П. Новикова, Ю.В. Прохорова, С.Л. Соболева, Л.Д. Фаддеева и других. Беседа А.Д. Александрова и П.Н. Федосеева о необходимости принятия мер.

9 марта — появление в г. Новосибирске рукописного заявления С.Л. Соболева о статье Ю. Мерзлякова. В этом документе — в «первом письме Соболева» — дана объективная, принципиальная оценка статьи Ю. Мерзлякова. Отмечая тон статьи, недопустимый для порядочного человека, отмечая клеветнический выпад против А.Н. Колмогорова, С.Л. Соболев разоблачает стремление Ю. Мерзлякова очернить коллег и подчёркивает, что «роль Савонаролы не к лицу учёному XX века». А.А. Боровкову и С.К. Годунову, которым С.Л. Соболев переправил письмо, он дал карт-бланш на его использование.

---

¹<http://elib.ict.nsc.ru/jspui/handle/ICT/3481>; «Наука в Сибири» № 7 (1088), 6–7.

- 14 марта — появление отклика А.Д. Александрова с анализом статьи Ю. Мерзлякова. В этом отклике вскрыт объективно антисоветский и субъективно подлый характер содержания статьи Ю. Мерзлякова, обоснована необходимость решительного пресечения любых проявлений клеветы и политических доносов.
- до 15 марта — выступление А.Д. Александрова на расширенном заседании семинара отдела математических проблем естествознания Института математики СО АН СССР. В этом выступлении даны ответы на вопросы сотрудников о статье Ю. Мерзлякова и о реакции на неё в Академии наук СССР.
- до 16 марта — при участии заместителей директора ИМ СО АН СССР возникает «второе письмо Соболева» — документ, подписанный С.Л. Соболевым. В этом документе указываются заслуги А.Н. Колмогорова и его награды, даётся отрицательная характеристика выпадов, содержащихся в статье Ю. Мерзлякова. Общая негативная оценка статьи смягчена, заглажены или убраны другие принципиальные положения «первого письма Соболева». Указанный документ доведён до сведения партийного бюро Института. Келейно готовится письмо в Президиум СО АН СССР за подписями А.А. Боровкова, С.К. Годунова, В.Л. Макарова и секретаря партбюро М.В. Фокина. Отказ от гласности проявляет исходящие из отдела Ю.Л. Ершова попытки снять принципиальную оценку статьи Ю. Мерзлякова. В последний момент М.В. Фокин не подписывает подготовленный документ — «первое письмо института». Этот документ аналогичен второму письму Соболева.
- 16 марта — заседание Учёного совета ИМ СО АН СССР. В выступлениях Г.Ш. Рубинштейна, Ю.Г. Решетняка и А.Д. Александрова поднят вопрос о необходимости обсуждения положения и принятия мер против клеветы, содержащейся в статье сотрудника Института математики Ю. Мерзлякова. Постановка этого вопроса вызвала недостойную выходку председательствовавшего в совете С.К. Годунова. Бегство С.К. Годунова с совета не позволило нормально завершить заседание.
- до 18 марта — при давлении на и через М.В. Фокина подготовлено «второе письмо института». Этот документ подписан тремя заместителями директора и М.В. Фокиным и направлен в Президиум СО АН СССР. Отличие от первого письма института состоит во фразе о том, что в статье Ю. Мерзлякова правильно ставятся вопросы патриотизма или в этом роде. Второе письмо института фиксирует подмену принципиальной позиции первого письма Соболева бессмысленным «клеветническим патриотизмом».
- 21 марта — беседа А.Д. Александрова с председателем Президиума СО АН СССР В.А. Коптюгом о необходимости реакции на статью Ю. Мерзлякова.

- до 24 марта — М.В. Фокин и С.С. Гончаров через партийное бюро ИМ СО АН СССР блокируют попытки оперативно отреагировать на статью Ю. Мерзлякова. Не санкционируется проведение философско-методологического семинара по этой статье.
- 25 марта — Бюро отделения математики АН СССР на своём заседании приняло развёрнутое решение, в котором расшифровывается клевета в адрес видного советского учёного, содержится просьба к Президиуму СО АН СССР о принятии мер в связи с фиксацией клеветы в статье Ю. Мерзлякова. Эти пункты решения принимаются единогласно. При обсуждении вопроса о выведении Ю. Мерзлякова из состава редакционной коллегии журнала «Математические заметки» воздерживаются С.В. Яблонский и В.С. Владимиров. Бюро дало поручение Ю.В. Прохорову формулировать окончательную редакцию текста решения.
- до 27 марта — написан положительный отклик М.М. Лаврентьева и Д.А. Захарова на статью Ю. Мерзлякова. В этом отклике отмечаются высокие профессиональные и нравственные качества Ю. Мерзлякова, а Институт математики СО АН СССР рисуется сборищем негодяев.
- 27 марта — С.Л. Соболев, находившийся в г. Москве, сообщает в г. Новосибирск о решении Бюро Отделения математики. А.Д. Александров беседует об этом с С.М. Никольским.
- 28 марта — заседание Президиума СО АН СССР. От Института математики присутствуют А.Д. Александров, А.А. Боровков, С.К. Годунов, В.Л. Макаров, Ю.Г. Решетняк и М.В. Фокин. Отсутствует Ю.Л. Ершов. Зачитаны второе письмо института и второе письмо Соболева. Первое письмо Соболева не оглашено! А.Д. Александров дал справку о решении Бюро Отделения математики АН СССР. С резким осуждением клеветы в адрес А.Н. Колмогорова и выпадов в адрес советских учёных выступили члены Президиума академики Г.Л. Боресков, С.С. Кутателадзе, А.Н. Скринский. Единогласно принято решение, указывающее, что редакция газеты «Наука в Сибири» допустила серьёзную ошибку, опубликовав статью Ю. Мерзлякова, написанную стилем, не соответствующим духу и задачам газеты. Определённая беззубость этого решения вызвана неясной позицией ИМ СО АН СССР и отсутствием текста решения Бюро отделения математики. В.А. Коптюг смягчил обсуждение, снимая предложения об указании на клевету в статье Ю. Мерзлякова. Институту математики СО АН СССР было поручено подготовить статью для газеты «Наука в Сибири», приуроченную к восьмидесятилетию А.Н. Колмогорова. На заседании Президиума присутствовал также М.М. Лаврентьев.
- 30 марта — партийное собрание теоретических отделов ИМ СО АН СССР. Секретарь партбюро института М.В. Фокин огласил второе письмо

института, А.Д. Александров дал информацию о решении Бюро отделения математики АН СССР и о заседании Президиума СО АН СССР. Со ссылкой на имеющееся у него поручение А.В. Сычев зачитал отклик М.М. Лаврентьева и Д.А. Захарова. Принимается решение осудить недостойные выпады в адрес советских учёных, содержащиеся в статье Ю. Мерзлякова. Против голосовали М.В. Фокин и А.В. Сычев.

31 марта — партийное собрание отделения кибернетики ИМ СО АН СССР. Здесь в отделе теории групп, руководимом Ю.Л. Ершовым, работает Ю. Мерзляков. По предложению заведующего отделением В.Т. Деметьева принята позорная резолюция, одобряющая статью Ю. Мерзлякова и осуждающая шумиху вокруг неё. Ю.Л. Ершов отсутствовал.

до 5 апреля — разослано Постановление Президиума СО АН СССР о статье Ю. Мерзлякова.

до 17 апреля — С.К. Годунов противится постановке вопроса об осуждении статьи Ю. Мерзлякова на Учёном совете института. При аргументации ставятся на одну доску верное решение парторганизации теоретических отделов, к которым относится и отдел С.К. Годунова, и ошибочное решение парторганизации отделения кибернетики.

18 апреля — заседание Учёного совета Института математики СО АН СССР. До начала заседания партгруппа под давлением В.Л. Макарова и М.В. Фокина и при поддержке беспартийных А.А. Боровкова и С.К. Годунова постановляет не обсуждать статью Ю. Мерзлякова, а лишь информировать об имеющихся решениях. На заседании совета оглашены первое письмо Соболева, второе письмо института и дана информация о принятых к этому моменту решениях. С.К. Годунов отводит обвинение о сокрытии письма Соболева на тех основаниях, что сейчас им это письмо оглашено и что письмо носит личный характер. Высказывается также тезис об якобы имеющемся тождестве позиций первого письма Соболева и второго письма института. Принципиальная реакция на решение Бюро отделения математики и постановление Президиума СО АН СССР — реакция отпора клевете — была полностью заблокирована. Председательствовавший в Совете С.К. Годунов предоставил трибуну специально приглашённому Ю. Мерзлякову, не являющемуся членом Совета. Ю. Мерзляков повторил свою клевету и сделал новые выпады против советской действительности, огласив субъективную стряпню из подобранной им коллекции недостатков. В заседании Ю. Мерзляков объявил также о направленных ему положительных откликах М.М. Лаврентьева и Д.А. Захарова и писателя-академика Л.М. Леонова, цитированного в статье «Право на память». Отповедь «клеветническому патриотизму» звучала в выступлениях А.Д. Александрова и А.А. Боровкова. Совет принял решение вывесить для обозрения тексты имеющихся постановлений. Резолюция об осуждении клеветы не обсуждалась.

- 21 апреля — повторное заседание Бюро отделения математики АН СССР. Принимается текст решения. В окончательную редакцию включён тезис о недостойных выпадах против других советских математиков (в добавление к уже имевшемуся тезису о клевете в адрес А.Н. Колмогорова). Снят вопрос о пребывании Ю. Мерзлякова в составе редакционной коллегии журнала «Математические заметки». Отчёт о работе этого журнала в связи с комплектованием нового состава его редколлегии вынесен на заседание Бюро от 10 июня.
- 22 апреля — подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении академика А.Н. Колмогорова орденом Октябрьской революции за большие заслуги в развитии математической науки, многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения.
- 25 апреля — восьмидесятилетие А.Н. Колмогорова. Со словом о Колмогорове на лекции в Новосибирском государственном университете и в дискуссии на философско-методологическом семинаре теоретических отделов Института математики СО АН СССР выступил С.С. Кутателадзе.
- 30 апреля — написано «Особое мнение Л.С. Понтрягина». В этом документе Л.С. Понтрягин отмечает от Ю. Мерзлякова обвинение в клевете на А.Н. Колмогорова. Объявляя статью Ю. Мерзлякова призывающей к гражданственности, Л.С. Понтрягин изображает ситуацию так, будто имеется только один отрицательный отклик А.Д. Александрова и противопоставляет ему три положительных отклика: М.М. Лаврентьева и Д.А. Захарова, математика д.ф.-м.н. В.Д. Мазурова и Л.М. Леонова. «Особое мнение» фиксирует открытое присоединение Л.С. Понтрягина к очернению А.Н. Колмогорова и Института математики СО АН СССР.
- 12 мая — газета «Наука в Сибири» опубликовала объективную статью об А.Н. Колмогорове, написанную С.Л. Соболевым, А.А. Боровковым и В.В. Юринским. В статье А.Н. Колмогоров характеризуется как один из крупнейших математиков XX века, как выдающийся педагог, горячий патриот, создатель научной школы, пользующейся мировой известностью и имеющей мало аналогов в истории науки. Подчёркивается неоспоримое влияние А.Н. Колмогорова на развитие математики в Сибири.
- 25 мая — в г. Новосибирске получен текст решения Бюро отделения математики АН СССР от 25 марта.
- 28 мая — написан отклик А.Д. Александрова «По поводу особого мнения Л.С. Понтрягина» с ответом на сформулированный Л.С. Понтрягиным вопрос: «Кого же так страстно защищает А.Д. Александров в своём отклике?». В этом отклике А.Д. Александров даёт отпор попыткам

внести в советскую научную среду дух искажения истины, клеветы и подлости.

1 июня — находящийся в г. Новосибирске С.Л. Соболев получает письмо А.Д. Александрова о сложившейся ситуации.

со 2 по 7.06 — в Институте математики Сибирского отделения АН СССР вывешены тексты решения Бюро отделения математики АН СССР и постановления Президиума СО АН СССР, датированные мартом 1983 года. Принципиальная реакция на эти документы по-прежнему блокируется через С.К. Годунова. При аргументации даются ссылки на факт существования указанных решений, на заседание Учёного совета института от 18 апреля и на стремление не разжигать страстей.

8 июня — С.Л. Соболеву вручено заявление А.Д. Александрова, Ю.Г. Решетняка и С.С. Кутателадзе². В этом документе отмечено, что порочные проявления пятнают коллектив института, накаляют в нем обстановку. Указана необходимость выправить положение, поставив прочный заслон клевете, укрепив единство здорового ядра коллектива. Предлагается вынести на очередное заседание Учёного совета института резолюцию об осуждении статьи Ю. Мерзлякова «Право на память» как клеветнической. Заявлению противопоставлена вышеизложенная аргументация.

16 июня — С.Л. Соболев даёт окончательный отказ осудить статью Ю. Мерзлякова на заседании Учёного совета института и заявляет об исчерпанности дела.

А.Д. АЛЕКСАНДРОВ О СТАТЬЕ Ю. МЕРЗЛЯКОВА

Основной и главный вывод в отношении рассматриваемой статьи состоит в том, что статья эта антисоветская. Говоря так, мы не имеем в виду субъективные намерения её автора — Ю. Мерзлякова, речь идёт о том, что статья объективно антисоветская.

Действительно, в самом начале статьи вслед за первым её абзацем ставится вопрос: «Так ли мало у нас отщепенцев, начисто лишённых чувства родины?» И через всю статью проводится мысль, что таких отщепенцев у нас не мало, в частности в научной среде. Отщепенцев или даже внутренних эмигрантов, как

---

²Это сделал я: А.Д. прислал мне согласованный и подписанный им текст из Ленинграда, Ю.Г. и я подписали его в Новосибирск. Когда я передавал заявление С.Л. Соболеву, у нас был и обмен мнениями по этому поводу. Он сослался по позицию С.К. Годунова, которого С.Л. тогда рассматривал как своего преемника на посту директора и прямо говорил мне об этом. Тогда же он мне сказал: «Попробовали бы сами объяснить все Годунову. У меня не выходит». Я сказал, что попробую и немедленно же зашёл к С.К. Годунову, который был в кабинете напротив директорского. Разговора не получилось, хотя я сразу же сослался на поручение С.Л. Соболева. Реакция С.К. Годунова была бурной и неадекватной. Jupiter... **С.К.**

пишет Ю. Мерзляков, «расшатывающих решётку изнутри» (какую это решётку?!). И он «подтверждает»: «Да, немало примечательного можно обнаружить, размышляя над текущими научными публикациями...» Далее он рисует самые грязные образы «пещерных» людей в науке и, подходя к заключению статьи, пишет о них:

Ползёт. Нагадил лет на триста.
Урвал — и канул без следа...
И лезет новая орда...

Не отдельные «пещерные» люди и «отщепенцы», а целая орда их в нашей научной среде есть и лезет новая! Таков итог статьи Ю. Мерзлякова. Такую картину советской научной среды он рисует. А это и есть характерный приём антисоветчины выхватить недостатки, раздуть и размалевать по советской действительности. Какая радость американским советологам и антикоммунистам: «Смотрите, какое у них там разложение в научной среде: орда отщепенцев и внутренних эмигрантов, расшатывающих „решётку изнутри“». И глядишь, завтра появится советологическая статья о разложении советских учёных, о расшатывании решётки изнутри со ссылкой на авторитетный источник «Наука в Сибири», орган Президиума Сибирского отделения АН СССР.

Клевета! Клевета на нашу научную среду — вот что такое статья Ю. Мерзлякова. Да, в нашей среде встречаются факты карьеризма, стяжательства и другие нездоровые явления и даже отдельные отщепенцы. Но утверждать, что их не так уж мало и даже целая орда — значит клеветать на советскую действительность.

Но мало того. Клевета Ю. Мерзлякова пронизана грязью, самыми безобразными обвинениями и намёками. Он заговаривает о «низком нравственном развитии» некоторых — «где-то на пути от амёбы к человеку пещерному». И пишет: что только «заведёшь разговор о дурном», что делает человек, «пещерный деятель тут же воспаряет от недостойных его внимания предметов к альтернативным кольцам или проконечным группам». Такие кольца и группы — это предметы из современной алгебры, которыми, кстати, занимаются некоторые коллеги Мерзлякова, так что намёк на «пещерных людей» оказывается достаточно ясным.

За этим следует сравнение с коровой, которая может «лепёху сделать» (какое изящное сравнение!). «Таков», — распространяется Мерзляков, — «и пещерный деятель, будь он по бумагам хоть доктором наук. Ни чувство стыда, ни чувство юмора, которые как раз и отличают человека от скотины (!), неведомы пещерному»... И после дальнейших намёков, поношений и грубостей в стиле «скотины», «делающей лепёхи» Ю. Мерзляков пишет, что такие деятели в битве «если и выползут из кустов», то только затем, чтобы поживиться плодами чужой победы или обобрать раненых...»

«Ползёт...
И лезет новая орда....»

Орда тех, кто способен ободрать раненых, — какой ужасный образ! И такая орда лезет в нашей советской научной среде!?

Это уже не пасквиль, не простая грубость, не обыкновенная клевета, а нечто чудовищное. Такая злобная клевета на наше общество настолько грязна и нелепа, что переходит в сферу патологии...

Но и этого ещё мало. Грязные обвинения бросаются Ю. Мерзляковым не только «вообще», но ещё и некоторым коллегам (занятым в алгебре теорией колец и проконечными группами). Члены редакции, допустившие публикацию такой мерзости, как и некоторые другие товарищи, полагают, очевидно, что ничего «такого» тут нет: ведь те, на кого делается намёк, не названы. Да, не названы прямо, но указаны...

Совершенно также Ю. Мерзляков пишет о «руководителе реформы» математического образования в школе, проходившей у нас с 1967 года. Не называя его явно, Ю. Мерзляков бросает по его поводу безобразные намёки. Однако всем, кто что-то знает о реформе, известно, что её руководитель — академик Андрей Николаевич Колмогоров. Он, один из крупнейших математиков нашего века, потратил много сил на усовершенствование математического образования, и допущенные им ошибки, как бы ни были они в отдельных случаях существенны, не дают никому права бросаться безобразными намёками. (Заметим в скобках, что восхваляемый Ю. Мерзляковым академик Л.С. Понтрягин почти ничего реального для улучшения преподавания не сделал, а только поднял шум о его недостатках, когда эти недостатки уже были осознаны и велась работа по их преодолению. Л.С. Понтрягин скорее навредил, чем помог поднятым шумом.) Если бы ещё обвинения в адрес А. Н. Колмогорова были сказаны прямо в лицо. А так, не называя явно, намёками — подло. Так же подло, как намекает на своих коллег, делая чудовищные сравнения с обирателями раненых.

Таким образом, к тому первому выводу о статье Ю. Мерзлякова, что она объективно антисоветская, прибавляется второй, относительно уже её субъективного характера: статья подлая.

Ю. Мерзляков претендует на патриотизм и пишет о чувстве родины... Но в клевете на нашу действительность нет патриотизма, во всяком случае советского, как нет чувства родины в том, чтобы размазывать по её лицу картину лезущей орды... Нет у Ю. Мерзлякова и русского патриотизма, для которого всегда были характерны душевная боль и гнев о творящемся зле, тогда как у Ю. Мерзлякова только злоба; он будто с наслаждением нагнетает картину гадостей. А как он пишет о народе?

По его словам в 1967 году школе был навязан поворот «в сторону чрезмерной формализации школьного курса математики, вольно или невольно рассчитанной на нетипичное для основной массы населения ускоренное интеллектуальное развитие». Однако это неверно. Во-первых, дело было не в формализации образования, а если, допустим, и была формализация, то она никак не может быть рассчитана на интеллектуальное развитие, так как она, напротив, тормозит его, подменяя упражнениями формальной памяти и т. п. Во-вторых, ускоренное интеллектуальное развитие — не говоря об индивидуальных особенностях, а в массе подрастающего поколения — есть, в первую очередь,

результат влияния среды, влияния обучения.

Это ускорение происходит на наших глазах — благодаря развитию просвещения и общему повышению культурного уровня населения. Поэтому разговор о том, что ускоренное интеллектуальное развитие нетипично для основной массы населения, представляет собой недомыслие, противное патриотизму и отдающее к тому же дурным «ароматом» известных суждений о сравнительной тупости русских или «азиатов». Задача ускорения интеллектуального развития всей массы детей и молодежи была поставлена до реформы математического образования; она решается, с недостатками и промахами, но решается, и ускоренное в сравнении с прежним интеллектуальное развитие постепенно становится типичным для основной массы населения.

В самом начале статьи Ю. Мерзляков писал, что нужно «постоянно ощущать „самую жгучую, самую смертную связь“ с родиной», и дальше, видимо, как пример такого ощущения он приводит трагические стихи Ахматовой о родной земле, завершающиеся объяснением: «Но ложимся в неё и становимся ею, оттого и зовём так свободно — своею». Земля нашей могилы... Можно было и у Ахматовой найти иные ноты. А так у Ю. Мерзлякова могильный патриотизм. Вслед за этим Ю. Мерзляков обращается уже к «внутренним эмигрантам», «расшатывающим решётку изнутри», и приводит слова из одной литературоведческой книги о том, что русская литература «на протяжении двух столетий впитывала все лучшее, что создавалось в иноязычных поэзиях. Можно, пожалуй, сказать, что она в этом отношении не знала соперниц: ни одна из великих европейских литератур не овладевала чужим богатством с такой настойчивостью, с такой спокойной уверенностью в собственные силы, в неизменности своего назначения, как русская».

Можно, допустим, оспаривать это суждение, но видеть в указании на способность овладевать чужим богатством и перерабатывать его в часть своего собственного нечто антипатриотическое и злобное — по меньшей мере странно. Ведь, например, та же теория Галуа или теория групп были усвоены нашей наукой из Западной Европы. Марксизм тоже вырос в Западной Европе, и русская политическая мысль овладела этим духовным богатством с величайшей энергией и настойчивостью, начиная с того, что первый язык, на который был переведён «Капитал», был русский. На русской почве марксизм был развит Лениным и воплощён в действие Великой Октябрьской социалистической революцией, не только расшатавшей, но сломавшей изнутри России решётку капиталистического гнёта... А лютые реакционеры и белогвардейцы клеймили большевиков как предателей родины и «жидомарксистов»...

Словом, никакого патриотизма у Ю. Мерзлякова нет — одни слова о патриотизме и антипатриотизм на деле.

Он назвал свою статью «Право на память». Память среди людей, и статья завершается вопросом, который задаётся «в ночной тишине»: «Будет ли у меня право на такую память?»

Но подлинный патриот думает не о том, какая будет о нем память, а о деле... Сам же Ю. Мерзляков несомненно получил право на память. Потому что, по крайней мере, некоторые его суждения так злобны и чудовищны, что

могут войти в историю...

Итак, мы смогли убедиться, что статья Ю. Мерзлякова объективно анти-советская, субъективно подлая, грубая, антипатриотическая, хотя как будто и призывает к патриотизму.

Но не будем судить автора жестоко, скорее о нем надо сожалеть, потому что перед нами несомненный патологический случай. Только извращённая мысль и болезненное воображение, затуманенное патологическим озлоблением, могли породить этот поток грубости и грязи! Отщепенцы, внутренние эмигранты, низкое нравственное развитие на полпути от амёбы до человека пещерного, корова, делающая лепёху, скотина, холуйская серость мелкого лавочника и как завершение всего в конце — чудовищный образ злодеев, ползущих обирать раненых, как изображение «орды» научных работников и, в частности, своих коллег. Дальше идти некуда — явная патология.

Но если у Ю. Мерзлякова — мышление, извращённое патологией, то его бред опубликовали, по-видимому, нормальные люди. Но, видно, они лишены способности всерьёз понимать написанное и сознавать свою ответственность за опубликование.

Дополнение от 14.03.1983

Обличая пороки, Ю. Мерзляков противопоставляет им «духовность».

«Именно печать духовности, — пишет он, — позволяет безошибочно отличить будущего самоотверженного учёного от помалкивающего до поры до времени куркуля»...

Однако как патриотизм может быть разным, так и «духовность» бывает разная, допустим, например религиозная. Подлинного советского учёного отличает не духовность вообще, а активная коммунистическая жизненная позиция, включающая коммунистическую идейность или, если угодно употребить этот термин, — духовность, но не какую-нибудь, а коммунистическую.

Статья Ю. Мерзлякова как раз демонстрирует пример иного рода «духовности». В самом деле, какая «возвышенная» духовность в стиле: «Корова, делающая лепёху» и т. п. Какая «высокая» духовность в характеристиках, начиная с оценки нравственного развития «на полпути от амёбы до человека пещерного» и кончая тем, что такие «пещерные» не бросаются грудью на амбразуру, а вылезут из-за кустов обогреть раненых. Какая «высокая духовность» в том, что недостойные обвинения бросаются людям намёками; не прямо обвинить, скажем, академика А.Н. Колмогорова, а намёком... Не грудью, а из-за куста. С одной стороны, обмарал, с другой стороны, как бы и «не про то»... Какая высокая духовность, какая отвага!

Что стоят после этого все обвинения и разоблачения статьи? Какая в ней духовность? Это — дух злобы и непорядочности.

Этот дух, толкнув нам массовые обвинения, привёл к клевете на нашу научную среду и тем объективно — к антисоветчине.

В продолжение разговора о математическом образовании и интеллектуальном развитии «массы населения», Ю. Мерзляков пишет: «Только сам народ в состоянии обеспечить полноценную духовную и интеллектуальную жизнь общества... Шукшиных, мужики, присылайте в науку!»... Такое противопоставление «народа» «обществу» и призыв к «мужикам» звучит отголоском народничества столетней давности, когда народ представлялся «мужиками», а «общество» — «барами». Но в современном единстве

советского народа такие противопоставления лишены смысла. Советский народ и советское общество — это одно и то же, только в понятии «народ» выделяется представление о массе людей, а в понятии «общество» — о структуре, системе общественных отношений. Без классового анализа понятия «народ», «мужики» как и «патриотизм» могут толковаться и использоваться очень различно. «Мужики» могут быть озлобленными мелкими собственниками, а «народ» — «великим немецким народом» с его «патриотизмом».

Но никаких следов классовых, социалистических точек зрения в статье Ю. Мерзлякова нет. И если взять всерьёз выражаемую им позицию с его озлоблением и очернительством, то мы узнаем в ней тот дух озлобленного мелкого буржуа, который питал фашизм. Это тем более подкрепляет его стилем, доходящим до непристойной брани и безобразных выпадов.

Дело не в том, чтобы обвинить Ю. Мерзлякова, а в том, чтобы глубже понять, что объективно он выражает и почему его статья производит такое отталкивающее впечатление. В конечном счёте это потому, что за нею проглядывает искажённое злобой лицо фашизма. И дать таким людям только силу — они себя покажут.

Ю. Мерзляков и показал себя провалами хороших диссертаций и преследованием людей, в чем он, конечно, оставался в тени, прикрытый, в частности, процедурой тайного голосования. Статья Ю. Мерзлякова делает явным этот дух озлобления, который выражается в реальных действиях, в реальном зле, наносимом людям и науке. Назовём только один пример из многих, когда Ю. Мерзляков как председатель совета по защита́м отказал в приёме диссертации к защите и вынудил молодого человека из Сибири защищаться на год позже в Кишинёве, из ненависти к его научному руководителю.

Таков в его глубине идейный и реальный смысл того, что выражено в статье Ю. Мерзлякова.

Замечание об А.Н. Колмогорове, сделанное Мерзляковым в скобках, представляет собой тонко составленную клевету, которая должна создать впечатление будто Колмогоров вредил в математическом образовании с одобрения или даже в интересах Израиля.

О недостатках реформы сказано по меньшей мере неточно и преувеличенно. Нарочно сопоставлены даты проведения реформы и разрыва отношений с Израилем. О премии сказано, что Колмогоров получил 100 000 долларов от государства — от Израиля, как ясно из текста (хотя явно не говорится). Однако (1) премия не от государства, а от фонда Вольфа; (2) не получена, а присуждена; (3) не 100 000 долларов, а 50 000, так как премия была присуждена одновременно А. Каргану; (4) премия присуждена за работы по математике.

Ссылка, сделанная Мерзляковым на «Нотисиз», показывает, что все это было ему известно, так что он сознательно передёргивает.

Кроме того, замечание Мерзлякова о «раннем развитии, не свойственном большинству населения» прозрачно намекает на еврейских вундеркиндов. Тем более должно создаться впечатление, что Колмогоров проводил реформу в интересах Израиля.

Все это не сказано прямо, но намёки совершенно ясны.

Перед нами образец политической клеветы намёками в стиле самых подлых доносов эпохи 1937 года. Это тем более обосновывает общее заключение, что статья Мерзлякова подлая, архиподлая.

Такую подлость надо выжигать калёным железом. И кто с нею примиряется — сами подлецы. Эта подлость превращает в кошунство разговоры Мерзлякова о патриотизме и духовности.

РЕАКЦИЯ ОТДЕЛЕНИЯ МАТЕМАТИКИ АН СССР

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Бюро отделения математики

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

25 марта 1983 г.

№ 5

г. Москва

п. О статье д.ф.-м.н. Ю.И. Мерзлякова
«Право на память» в газете «Наука
в Сибири» № 7 от 17 февраля 1983 г.
сообщение академика Ю.В. Прохорова

Академик Ю.В. Прохоров информировал присутствующих о появлении в еженедельной газете «Наука в Сибири» № 7 от 17 февраля 1983 г. Президиума СОАН СССР статьи сотрудника Института математики СО АН СССР д.ф.-м.н. Ю.И. Мерзлякова «Право на память», содержащей однозначно расшифруемый выпад против выдающегося советского учёного академика А.Н. Колмогорова.

В дискуссии участвовали академики С.М. Никольский, В.С. Владимиров, С.П. Новиков, А.А. Самарский, С.Л. Соболев, Л.Д. Фаддеев, члены-корреспонденты АН СССР А.В. Бицадзе, И.М. Гельфанд, А.А. Гончар, С.В. Яблонский. Все выступавшие единодушно осудили недостойные выпады, содержащиеся в статье Ю.И. Мерзлякова, и квалифицировали их как клевету против выдающегося учёного и патриота. Отмечалось, что статья содержит также выпад против ряда других советских математиков.

Бюро отделения математики АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Отметить, что статья д.ф.-м.н. Ю.И. Мерзлякова «Право на память», опубликованная в газете Президиума Сибирского отделения АН СССР «Наука в Сибири» № 7 от 17 февраля 1983 г., содержит клевету на выдающегося учёного-математика и советского патриота.

Отметить, что статья содержит ряд недостойных намёков на других советских математиков.

2. Просить Президиум Сибирского отделения АН СССР принять соответствующие меры в связи с изложенным в п. 1.

Постановление Бюро отделения математики АН СССР было принято единогласно.

Председатель
И. о. академика-секретаря
Отделения математики АН СССР
академик В.С. Владимиров
Учёный секретарь
Отделения математики АН СССР
д.ф.-м.н. А.Б. Жижченко

ПИСЬМО Л.С. ПОНТРЯГИНА ОТ 30.04.1983

В Бюро отделения математики АН СССР

Копии:

Сибирское отделение АН СССР

Председателю СО АН СССР

академику В.А. Коптюгу

Члену бюро отделения математики

академику М.М. Лаврентьеву

Доктору физико-математических наук

профессору Ю.И. Мерзлякову

В редакцию газеты «Наука в Сибири»

ОСОБОЕ МНЕНИЕ Л.С. ПОНТРЯГИНА

25 марта 1983 г. состоялось заседание Бюро отделения математики, на котором я не присутствовал по болезни.

На этом заседании по инициативе Ю.В. Прохорова была рассмотрена статья Ю.И. Мерзлякова «Право на память», опубликованная в газете «Наука в Сибири» 17 февраля 1983 г. Ю.В. Прохорову было поручено формулировать решение бюро по этому вопросу и представить проект его на рассмотрение следующего заседания бюро, которое состоялось 21.04.83 г. Таким образом, на заседании, на котором я присутствовал, обсуждение продолжалось.

Обсуждение проходило в напряжённой эмоциональной обстановке. Решение, сформулированное Ю.В. Прохоровым, содержало обвинение Ю.И. Мерзлякова в клевете против академика А.Н. Колмогорова. С этим обвинением я не могу согласиться. И сообщаю своё особое мнение по этому вопросу.

Имя А.Н. Колмогорова не упоминается в статье Ю.И. Мерзлякова. Однако есть в статье место, которое при расшифровке может рассматриваться как выпад против А.Н. Колмогорова.

После отрицательных высказываний о реформе преподавания математики в средней школе, начатой в середине 60-х годов, в статье идёт замечание, которое в расшифрованном виде выглядит следующим образом: «Руководитель реформы А.Н. Колмогоров в 1980 г. получил от государства Израиль премию в размере 100 000 долларов».

Ю.В. Прохоров в своём выступлении 21 апреля заявил, что это утверждение Ю.И. Мерзлякова не соответствует действительности, а потому является клеветой.

Несоответствие действительности выражается в 3-х пунктах:

1. Премия в 100 000 долларов присуждена не одному А.Н. Колмогорову, а вместе с Картаном, поэтому на долю Колмогорова приходится не 100 000, а только 50 000 долларов.

2. Премия присуждена не государством Израиль, а частным фондом, находящимся в государстве Израиль.

3. Премия присуждена, но нет никаких указаний, что она получена.

Эти три ошибки, допущенные Ю.И. Мерзляковым, по моему мнению, не

превращают его высказывание в клевету, а являются лишь неточностями, ничего не меняющими по существу.

Академик С.М. Никольский на заседании 21 апреля заявил, что всякий человек, прочитавший соответствующее место статьи Ю.И. Мерзлякова, будет считать, что А.Н. Колмогоров совершил предательство родины, а потому он считает, что это есть клевета на А.Н. Колмогорова. Столь эмоциональная оценка С.М. Никольского объясняется, мне кажется, тем, что Никольский является учеником А.Н. Колмогорова.

Я утверждаю, что высказывание Ю.И. Мерзлякова относительно Колмогорова даже в расшифрованном виде не может рассматриваться как клевета. В нем не утверждается причинной зависимости между неудачей реформы и присуждением премии. Но у самого читателя может возникнуть мысль о причинной зависимости.

Уже после этого заседания я получил отклики на статью Ю.И. Мерзлякова, среди них один отрицательный (академика А.Д. Александрова) и три положительных (писателя-академика Леонова, математика д.ф.-м.н. В.Д. Мазурова, руководителей мехмата НГУ — декана — академика М.М. Лаврентьева и секретаря партбюро Д.А. Захарова).

Мнения, высказанные в этих откликах, в Новосибирске представляли бы большой интерес для Бюро отделения, особенно мнение академика Лаврентьева, являющегося членом Бюро отделения.

Достойно сожаления то обстоятельство, что руководство Отделения не ознакомило Бюро с этими откликами.

В отклике Лаврентьева и Захарова указывается на тяжёлую моральную обстановку, имеющуюся в Новосибирском математическом институте: большое число научных сотрудников выехало в Израиль, научный сотрудник Портнов осуждён за взяточничество, научный сотрудник Сакс отстранён от преподавания в НГУ за аморальное поведение.

Все это бросает новый свет на статью Мерзлякова и в значительной степени объясняет её тон.

Кого же так страстно защищает А.Д. Александров в своём отклике?

Хотя я не согласен с некоторыми высказываниями Мерзлякова, я оцениваю статью Мерзлякова в целом положительно, так как она призывает к гражданской ответственности, которой сильно не хватает многим нашим учёным.

Член Бюро отделения математики,
академик Л.С. Понтрягин

ПИСЬМО А.Д. АЛЕКСАНДРОВА ОТ 28.05.1983

В Бюро отделения математики АН СССР
В Президиум АН СССР
Президенту АН СССР А.П. Александрову
Сибирское отделение АН СССР
академику В.А. Коптюгу
В редакцию газеты «Наука в Сибири»

По поводу «Особого мнения» академика Л.С. Понтрягина

Академик Л.С. Понтрягин в письменном заявлении выразил своё несогласие с решением Бюро отделения математики, что статья Ю.И. Мерзлякова «Право на память» содержит клевету на А.Н. Колмогорова. В этом заявлении Л.С. Понтрягин указывает, что он получил 4 отклика на статью Мерзлякова, в частности, мой и отклик академика М.М. Лаврентьева совместный с Д.А. Захаровым. Понтрягин пишет:

«В отклике Лаврентьева и Захарова указывается на тяжёлую моральную обстановку, имеющуюся в Новосибирском математическом институте: большое число научных сотрудников выехало в Израиль, научный сотрудник Портнов осуждён за взяточничество, научный сотрудник Сакс отстранён от преподавания в НГУ за аморальное поведение.

Кого же так страстно защищает А.Д. Александров в своём отклике?»

Отвечаю на этот вопрос.

В последней части своей статьи Мерзляков пишет о карьеристах и приспособленцах в нашей среде, столь низких, что они могли бы на поле сражения обирать раненых. И дальше Мерзляков пишет о них, что «лезет новая орда».

Такое заявление я характеризовал как клевету на нашу научную среду. И я защищаю — нашу научную среду, советских научных работников от этой клеветы.

Где орда таких чудовищных людей, что они могли бы обирать раненых; кто они? Те, кто поддерживает статью Мерзлякова, не могут ответить, не указывают ни одного примера. Хотя утверждается, что лезет новая орда.

Лаврентьев же с Захаровым указывают вовсе не карьеристов, а на осуждённого за взятки Портнова, на Сакса, на выехавших из СССР.

Таким образом своим вопросом — «кого же защищает Александров?» академик Понтрягин совершает подтасовку. Он не ошибается, а поступает с полным сознанием. Это видно хотя бы из той логической скрупулёзности, с какой он обосновывает своё мнение, будто в статье Мерзлякова нет клеветы на А.Н. Колмогорова.

По этому поводу он пишет, что в статье Мерзлякова «не утверждается причинной зависимости между неудачей реформы и присуждением премии. Но у самого читателя может возникнуть мысль о причинной зависимости». В этом и состоит цель Мерзлякова и его наветов: внушить мысль или хотя бы подозрение, что Колмогоров действовал в интересах другого государства, и тем забросать Колмогорова грязью, сделать на него политический клеветнический

донос не прямо, а прозрачным намёком, чтобы, с одной стороны, замарать, а с другой — сказать, что «мы ничего такого не имели в виду: это домыслы читателей».

В своем отклике на статью Мерзлякова я характеризовал это как подлость и повторяю: это подлость, самая низкая подлость.

Академик Понтрягин в конце своего «Особого мнения» заявляет: «...я оцениваю статью Мерзлякова в целом положительно, так как она призывает к гражданственности...». Тем самым академик Понтрягин поддерживает подлость.

Академик Понтрягин немолодой человек и знает, какой смысл имели подобные подлости во времена 1937 года. Он мог бы, в частности, знать, что великий русский учёный, биолог Николай Иванович Вавилов умер в тюрьме именно потому, что на него был сделан политический клеветнический донос. Теперь академик Понтрягин поддерживает возрождение политических клевет и доносов и даже усматривает в них «гражданственность». Однако они давно осуждены нашей партией и народом. И Бюро отделения проявило настоящую гражданственность, дав отпор клевете Мерзлякова. «Гражданственность» же в смысле Понтрягина уже проявилась раньше в его статье в «Коммунисте», где он возводил клеветы на нашу математику. Теперь она проявилась в его «Особом мнении» в поддержку подлости и клеветы не только в отношении А.Н. Колмогорова, но и в отношении наших учёных вообще, среди которых якобы лезет орда самых ужасных карьеристов и злодеев. Та же «гражданственность» в смысле Понтрягина проявилась аналогично, хотя и менее резко, также в других его действиях.

Нельзя, однако, терпеть, чтобы этот стиль извращения истины, клеветы, злобы и подлости процветал среди нас. Необходимо дать ему должный отпор.

Академик Л.С. Понтрягин должен быть выведен из состава Бюро отделения и лишён влияния также в других органах Академии наук.

В дополнение полезно рассмотреть, что пишет Понтрягин в своём «Особом мнении» об академике С.М. Никольском:

«Академик С.М. Никольский на заседании 21 апреля заявил, что всякий человек, прочитавший соответствующее место статьи Ю.И. Мерзлякова, будет считать, что А.Н. Колмогоров совершил предательство родины, а потому он считает, что это есть клевета на А.Н. Колмогорова. Столь эмоциональная оценка С.М. Никольского объясняется, мне кажется, тем, что Никольский является учеником А.Н. Колмогорова». На самом же деле оценка Никольского вовсе не эмоциональна, а соответствует реальности, так как из общения с разными людьми, недостаточно знакомыми с существом дела, было установлено, что они выносили из статьи Мерзлякова именно такое впечатление, что Колмогоров совершил предательство или что-то в этом роде. Понтрягин сам пишет, что «у читателя может возникнуть мысль о причинной зависимости» между недостатками реформы образования и присуждением премии. Так оно и получилось. На это и было нацелено написанное Мерзляковым и то, что Понтрягин утверждает, будто тут нет клеветы, хотя и не прямой, а в смысле явного

намёка, показывает лишь нечистоту его намерений: поддержать забрасывание Колмогорова грязью и вместе с этим сделать вид, что «ничего такого тут нет».

Ссылка Понтрягина на то, что Никольский — ученик Колмогорова, направленная на то, чтобы опорочить суждение Никольского, также некрасива. С тем же и даже с большим основанием можно было бы сказать о самом Понтрягине, что он поддерживает статью Мерзлякова потому, что в ней Мерзляков восхваляет его — Понтрягина. «За что же не боюсь греха кукушка хвалит петуха?».

ABOUT ONE CONTROVERSY

S.S. Kutateladze

Dr.Sc. (Phys.-Math.), Professor, e-mail: sskut@math.nsc.ru

Sobolev Institute of Mathematics RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The circumstances are discussed and materials of the controversy between A.D. Aleksandrov and L.S. Pontryagin, held in 1983 on the eve of the 80th anniversary of A.N. Kolmogorov

Keywords: A.D. Alexandrov, L.S. Pontryagin, A.N. Kolmogorov.

Дата поступления в редакцию: 15.06.2021